

А. Н. СОРОКИН

ЗНАЧЕНИЕ КЕЛЬНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ КАНЦЛЕРА АДЕНАУЭРА

В статье рассматривается проблема влияния кельнского происхождения на внешнюю политику Аденауэра. Определяется значение данного фактора для западной интеграции, антисоветского курса, германского вопроса.

Ключевые слова: история ФРГ, Конрад Аденауэр, Холодная война, историография ФРГ, историческая антропология

ФРГ как государство изначально, в период зарождения, уже имела прозападный, что в то время означало антисоветский, вектор развития. Первым федеральным канцлером западногерманского государства стал Конрад Аденауэр (1949–1963), вошедший в историю ФРГ как канцлер западной интеграции. Все его искусство, все инновации, все успехи – именно в этой области. Союз с классическими западными демократиями обеспечил Федеративной Республике политическую стабильность, экономическое благополучие, безопасность, прекратил поиски пресловутого «особого пути» немцев. Западная политика Аденауэра выступала как многофункциональный инструмент также в области политики восточной и политики воссоединения. Консолидированная «политика силы» стран Запада должна была заставить СССР отказаться от продвижения в Европе и от поддержки нелегитимного правительства ГДР, обеспечить воссоединение «в мире и свободе». При этом Аденауэр никогда не призывал к военным и иным силовым акциям в отношении СССР и восточного блока. «Политика силы» понималась как политико-экономическая, демократическая стабильность и притягательность ФРГ, Запада в целом, под воздействием которых должны были рухнуть тоталитарные режимы восточного блока.

Воссоединение любой ценой не было приоритетом внешней политики канцлера, точнее он не был заинтересован в воссоединении, которое вырывало бы Германию из тесной связи с Западом. Вообще, в отличие от некоторых своих политических оппонентов, Аденауэр не был идейным, последовательным «борцом за единство». Воссоединение Германии было целью его политики в долгосрочной перспективе. И здесь можно констатировать, что именно первый федеральный канцлер заложил модель воссоединения путем аншлюса ГДР, который рано или поздно должен был произойти ввиду более прогрессивного социально-экономического и политического строя ФРГ, то есть в результате действия так называемой «теории магнита».

Позиции канцлера в отношении Советского Союза выглядели жесткими и непримиримыми. Установление дипломатических отношений (1955) не привело к конструктивному развитию отношений двусторонних. Жесткая антисоветская риторика, отказ от диалога даже на фоне «потепления» международного климата в 1960-х, упреки в поддержке нелегитимного правительства «Советской зоны», отклонение советских инициатив по воссоединению, в т.ч. знаменитой «ноты Сталина 1952 г.», и как итог возведение Берлинской стены – таково основное содержание восточной политики первого федерального канцлера.

Естественно, конфронтационная модель восточной политики была жизнеспособна лишь в конкретных внешнеполитических условиях: канцлерство Аденауэра во многом пришлось на период наивысшего обострения Холодной войны. Тем не менее, определенной возможностью для маневра ФРГ, особенно после обретения независимости в 1955 г., обладала. В немецкой историографии обоснованно господствует точка зрения, согласно которой в системе канцлерской демократии Конрад Аденауэр имел приоритет в разработке и осуществлении внешней политики. В этой связи первостепенное значение приобретает изучение личностных характеристик Аденауэра как политика, которые помогли бы объяснить прозападную ориентацию, антисоветский курс, отклонение проектов воссоединения. Одной из таких характеристик в исторической науке ФРГ выступает влияние кёльнского происхождения канцлера на формирование внешнеполитических взглядов.

Во многих работах немецких авторов, посвященных внешней политике федерального канцлера Аденауэра, соответствующие разделы и главы названы весьма примечательно: «Старик из Рёндорфа», «Старик с берегов Рейна» и т.п.¹ Подобные заголовки призваны подчеркнуть, по мнению авторов, влияние на его убеждения, во-первых, долгих прожитых лет, во-вторых – рейнского происхождения.

Первые 57 лет жизни (до 1933 г.) судьба Аденауэра была тесно связана с Кёльном. Крупнейший немецкий биограф Аденауэра Г.-П. Шварц так характеризует эту связь: «Кем он был в это время, кем он стал, наряду с родительским домом он обязан влиянию Кёльна»². Особенно четко влияние кёльнского/рейнского происхождения прослеживается в формировании внешнеполитических взглядов Аденауэра, по крайней мере, как один из мотивов. В этом моменте сходятся многие исследователи деятельности первого федерального канцлера, вне зависимости от личных оценок его политики³. Сам Конрад Аденауэр при

---

¹ Görtemaker 2004. S. 86-94; Брандт 1991. С. 41-57

² Schwarz 1986. S. 49.

³ Schwarz 1971. S. 103; Doering-Manteuffel 1983. S. 31-32; Görtemaker 2004. S. 90-93; Baring 1969. S. 48-57; Besson 1970. S. 57; Maier 1971. S. 1; Augstein 1964. S. 59; Uexküll 2011. S. 29-38.

присуждении ему звания почётного гражданина Кёльна в 1951 г. сказал: «Что я есть – в хорошем и плохом – то выросло на этой земле и оформилось в этих окрестностях и в этой атмосфере»⁴.

К. Аденауэр никогда не покидал долину Рейна на долгое время. Г. Майер пишет о нём: «Без Рейнланда, его ландшафта, культуры, языка и конфессии Аденауэра было бы нельзя представить. Кёльном, его открытым миру либеральным прагматизмом был он создан»⁵. Неразрывными с Кёльном, с Рейнской областью А. Баринг представляет «жизнеощущение Аденауэра, его взгляд на мир, человек со стороны никогда не сможет правильно понять духовные основы его политики»⁶. Не без активного участия Аденауэра в качестве столицы ФРГ был избран Бонн, один из городов Рейнской области, лежащий недалеко от Кёльна. Г.-П. Шварц начинает свою фундаментальную двухтомную биографию Аденауэра именно с описания Кёльна рубежа XIX–XX вв., города торговли, развитой индустрии и банковского дела, где большую роль играла либеральная буржуазия. По мнению автора, в образе города Кёльна лежит «ключ к пониманию этого непростого человека»⁷.

Германия была и остаётся страной сильных региональных различий. Если Бисмарк представлял Европу, исходя из Пруссии, то «политический мир Аденауэра, прежде всего его политические представления, останутся непонятными без учёта региона, откуда он происходил. Они имеют корни в рейнской области, точнее: в Кёльне»⁸. Этот город можно рассматривать как отправную точку в формировании его взглядов, своеобразный исходный пункт его мироощущения – Аденауэр смотрел на всё глазами кёльнца. А. Баринг приводит отрывок одной из речей Аденауэра, в которой тот указывает, что Кёльн – это первоначальный центр Абендланда (Западной Европы): «Святой Кёльн, основанный римлянами, сформированный деяниями христианства, был в позднем средневековье когда-то сердцем Европы»⁹. В то время Кёльн был крупнейшим в политическом, финансовом, военном и культурном отношении городом Германии. Его университет, один из старейших в Европе, был основан в 1388 г. Кёльн традиционно имел многочисленные и разнообразные связи с другой крупнейшей западноевропейской метрополией – Парижем. Ряд знаменитых личностей связывал оба города: Фома Аквинский жил в Париже и Кёльне, Мария Медичи, изгнанная из Франции, нашла приют в Кёльне, крупный финансист и известный коллекционер Э. Ябах, родом из Кёльна, затем осел в Париже.

---

⁴ Цит. по: Görtemaker 2004. S. 90

⁵ Maier 1971. S. 1.

⁶ Baring 1969. S. 50.

⁷ Schwarz 1986. S. 7, 49.

⁸ Baring 1969. S. 48.

⁹ Ibidem.

Убеждение Конрада Аденауэра в том, что Кёльн лежит в центре Европы, нельзя понимать только географически. Оно опирается в большей мере на «внутреннее равновесие» жителей Рейнланда, которые являлись связующим звеном между католицизмом и либерализмом, Северной и Южной Европой, французским образом жизни и прусскими добродетелями¹⁰. В общем сложно понять, что, собственно, составляло дух Рейнланда. Этот край, в частности, не дал немецкой культуре деятелей масштаба Лессинга или Канта, Гёте или Шиллера. Особенное, неповторимое в Кёльне по сравнению с остальной Германией во многом было обусловлено историческим и культурным родством с Западной Европой. «Рейнланд воспринимал себя, прежде всего, как часть европейского Запада»¹¹. Париж и Брюссель во всех отношениях были ближе, чем Берлин, и тем более Варшава или Прага. Манфред Гёртемакер подчёркивает, что исторически Рейнская область ориентировалась больше на Запад, чем на Восток: Франция, Бельгия, Нидерланды, как и торговля с Британской империей, всегда имели большое значение. «Дикий пустынный Восток был, напротив, Терра инкогнито, от которой из лучших соображений сторонились уже римляне, когда Кёльн ещё назывался Колония Агриппины»¹².

Завоеватель Наполеон нашёл в рейнских землях вернейших союзников среди немцев. В юности Аденауэр мог наблюдать в Кёльне названия местности на двух языках – немецком и французском. В Рейнланде тогда ещё действовал Гражданский кодекс Наполеона. В исторической цепочке, связывающей через прошлое к настоящему Рейнскую область и Францию, А. Баринг и М. Гёртемакер видят корни тяготения Аденауэра к западному соседу¹³. В интервью 1948 года Аденауэр говорил, что «между Луарой и Везером» когда-то билось сердце христианского Абендланда, что стиль Кёльнского собора является «славным символом немецкого Запада» и имеет свои корни во французской земле и поэтому обновление западноевропейской мысли возможно только как «результат плодотворной встречи между Германией и Францией»¹⁴. Такое отношение к Франции не было продуктом личного контакта. Исследователи отмечают, что Аденауэр знал французскую культуру и литературу так же мало, как французскую кухню, говорил на ужасном французском и посещал Францию в почтенном возрасте¹⁵. Это было в большей мере обусловлено исторической рейнской предрасположенностью к западному соседу.

---

¹⁰ Ibid. S. 50.

¹¹ Ibidem.

¹² Görtemaker 2004. S. 92.

¹³ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

¹⁴ Цит. по: Görtemaker 2004. S.91- 92.

¹⁵ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

В этой связи возникает другая проблема – отношения между Пруссией и Рейнландом, Кёльном. Исследователи отмечают некую дистанцированность Аденауэра от Пруссии. Баринг фиксирует «антипатию Аденауэра по отношению к Пруссии», которая была исторически обусловлена, «происходит не от него, а от его родины»¹⁶. Союз Пруссии и Рейнланда в 1815 г. был нежеланным с обеих сторон. Регионы отличались как в религиозном отношении (протестанты и католики), так и по опыту исторического развития (абсолютизм и либерализм). Позитивной стороной прусского господства стало быстрое экономическое развитие Рейнской области, что и помогло в итоге примириться с принадлежностью к Пруссии. Но особое рейнское самосознание осталось. Тяжёлый след оставила политика Бисмарка по борьбе с католицизмом – культуркампф. Эти события Аденауэр с возмущением вспоминал до конца жизни. Выходцы из Пруссии, «бедные литовцы», как их называли в Кёльне, долгое время занимали большинство чиновничьих постов. А. Баринг делает вывод, что «Конрад Аденауэр всю жизнь не забывал рейнской обиды против прусского государства»¹⁷.

Г.-П. Шварц придаёт рейнско-прусскому антагонизму менее принципиальный характер и выделяет постепенную интеграцию регионов в вильгельмовское время, обусловленную, прежде всего, общими экономическими интересами. Он называет мифом представление об антипрусской основной установке кёльского католицизма: католики, будучи меньшинством в империи, видели в прусской короне союзника и гаранта прав. Однако Шварц не отрицает, что католики не забыли культуркампфа и сохранили определённое недоверие к Пруссии¹⁸. Мягче оценки Шварца и в отношении влияния исторического рейнско-прусского антагонизма на Аденауэра. Он отмечает неодобрение последним внутренней политики Бисмарка (культуркампф)¹⁹. В целом, по мнению историка, свидетельств критического отношения будущего канцлера к основанию прусско-германской империи нет. Его отец, авторитет и влияние в семье которого были огромны, сражался за Пруссию, поэтому, согласно Шварцу, в юные годы можно предположить восхищение Конрада Аденауэра по поводу создания могущественной Германской империи. Но: «Чувство культурного превосходства по отношению к Пруссии никогда полностью не терялось»²⁰.

Конрад Аденауэр в качестве бургомистра сильно повлиял на облик своего города, а город в свою очередь способствовал формированию его мировоззрения, политических взглядов. Исторически в Кёльне

---

¹⁶ Baring 1969. S. 51.

¹⁷ Ibid. S. 51-52.

¹⁸ Schwarz 1986. S. 20-31

¹⁹ Schwarz 1986. S. 89.

²⁰ Ibid. S. 91.

бургомистр имел почти монархическую власть. В 1928 г. Аденауэр мог как равный принимать французского премьер-министра. А. Баринг характеризует Аденауэра того периода как «республиканского монарха», «в котором очевидно заметна гордость за свой город и его историю»²¹.

Первый выход Конрада Аденауэра на внешнеполитическую сцену состоялся после Первой мировой войны, в бытность его бургомистром Кёльна. Хронологически это событие выпало на 1918/1919 годы и было связано с движением рейнского сепаратизма, возникшим в условиях поражения Германской империи в мировой войне, оккупации Рейнской области и общего кризиса прусской государственности. Движение выступало за государственное обособление Рейнской области. Во главе стояли некоторые деятели партии Центра, публицисты и общественные деятели, стимулированные французскими военными кругами. Крупная кёльнская газета «Кёльнише фольксцайтунг» вела пропагандистскую кампанию за образование «Рейнской республики». Существовала угроза и прямого присоединения левобережья Рейна к Франции. Движение не принимало радикальных форм, выступало как возможная альтернатива развития. Аденауэр как бургомистр крупнейшего города Рейнской области автоматически оказался в центре событий.

Позиция Аденауэра в той сложной послевоенной ситуации трактуется неоднозначно. Его позиционирование было нечётким, оставляя возможности для лавирования в изменяющейся политической конъюнктуре. Все исследователи отмечают его прагматизм как политика. Аденауэр был противником присоединения Рейнланда к Франции, он не был инициатором сепаратистского движения и отказался его возглавить, но в целом, можно говорить о «принципиальной симпатии по отношению к автономным стремлениям»²². Аденауэр видел в движении видимую силу и всерьёз рассматривал возможность превращения Рейнской области в самостоятельную федеральную единицу в рамках имперского союза, т.е. при сохранении федеративной связи с Берлином, свидетельством чему стала речь перед Кёльнским собранием в феврале 1919 г., когда Аденауэр собрал в Кёльне ведущих местных политиков и бургомистров ряда городов левобережья Рейна.

Это выступление Конрада Аденауэра затем часто интерпретировалось в двойном свете и во многом послужило источником для обвинений в сепаратизме. В своей речи он касается внешнеполитической ситуации, впервые публично выходя за рамки рейнской коммунальной политики. В период до подписания Версальского мирного договора Аденауэр исходил из того, что Пруссия будет поделена победителями, а раз так, то западные части Германии следует объединить в федераль-

---

²¹ Baring 1969. S. 50.

²² Maier 1971. S. 3.

ное государство «Западногерманская республика». Вот наиболее интересные высказывания Конрада Аденауэра из этой речи.

О международной ситуации: «Франция и Пруссия – заклятые враги. Спор и борьба между Германией и Францией бушуют уже много лет... В чём могут заключаться гарантии Франции в отношении Германии? Я думаю, среди государств Антанты нет ни одного, которое убеждено в том, что идея разоружения останется господствующей во всех странах на долгий срок... Но если Франция путём мирного договора отторгнет в какой-либо форме у Германской империи левобережье Рейна, то этим абсолютно гарантированно будет заложен очаг новой европейской войны».

Интересна оценка Пруссии: «Раздел Пруссии... по моему убеждению, является безусловно необходимым и также последует. Он необходим, так как иначе Пруссия, даже если больше нет носителя короны Пруссии, в силу естественного преобладания своих 42 миллионов жителей, и в новой Германии была бы государством-гегемоном... Пруссия – государственное образование, которое состоит из совершенно различных племён и экономических областей. Восточная Пруссия и Рейнская область так же различны, как Восточная Пруссия и Бавария. Тотчас после падения сплачивающей Пруссию династии в Пруссии дали о себе знать сепаратистские движения».

Далее следовало осторожное предложение возможного решения проблемы: «Я подхожу к вопросу, есть ли какое-либо решение, которое считается с требованиями Франции, но всё же предотвращает тот урон Германии, который связан с отделением левого берега Рейна от Германии. Может быть, я хотел бы подчеркнуть это “может быть”, есть такое решение, выход... Этот выход..., на мой взгляд, состоял бы в том, что земли Рейна, не только левый берег Рейна, не только рейнская провинция, но также и пограничные части земель Рейнского правобережья объединяются в западногерманское федеральное государство, в Западногерманскую республику в союзе с Германской империей».

Если Пруссия будет поделена, западные части Германии объединятся в федеральное государство “Западногерманская республика”, то за счет этого станет невозможным господство над Германией Пруссии, где царит дух Востока, дух милитаризма. Эта Западногерманская республика играла бы значительную роль в новой Германской империи из-за своих размеров и экономического значения и соответственно этому могла бы влиять в мирном духе и на внешнеполитическое положение Германии...

Я закончу эту часть моих высказываний утверждением: либо мы прямо или как буферное государство отойдем к Франции, либо мы будем Западногерманской республикой. Третьего не дано... Я придерживаюсь точки зрения, что Западногерманская республика обязательно должна быть создана законным путём – если нас не принудят к иному внешнеполитическим, до сего дня ещё не определённым отношениям»²³.

---

²³ Adenauer 1975. S. 25-32.

Аденауэр вернулся к идее «Западногерманской республики» еще раз в 1923 г. в период репарационного кризиса, когда из-за невыплаты репараций возникла угроза аннексии Рейнской области Францией. Обособление Рейнской области должно было сопровождаться тесным экономическим сотрудничеством с Францией, «органичным переплетением» экономик. Но оценка Аденауэром внешнеполитических тенденций оказалась неверной. Судьба Германии решилась по-другому: центристские тенденции внутри страны оказались сильнее, союзники не поддержали притязаний Франции. После того как вопрос сошел на нет и угасло сепаратистское движение, Аденауэр больше не возвращался к этой теме до окончания Второй мировой войны.

В этой первой крупной внешнеполитической акции Аденауэра прослеживаются основные черты его последующей концепции внешней политики. Такие историки ФРГ, как Г.-П. Шварц, А. Баринг, А. Дёринг-Мантойффель, М. Гёртемакер, отмечают связь между его суждениями и проектами того времени и внешнеполитической ориентацией после Второй мировой войны²⁴. Задолго до начала европейской интеграции Конрад Аденауэр исходил из необходимости устранения рокового соперничества Германии и Франции и обеспечения безопасности последней. Очевидна антипатия к прусской государственности, к тем тенденциям, которые она распространяла на всю Германию. Аденауэр выступает против «духа Востока», противопоставляет ему экономически развитую и открытую на Запад Рейнскую область как альтернативный центр развития. Рудольф Аугштейн, которого можно назвать одним из главных противников политики Аденауэра в политической публицистике ФРГ 1960-х гг., если не его личным врагом (в одной из статей канцлер назван «не очень красноречивым и не очень сильным мыслем стариком»²⁵), выводит «два традиционных рейнских инстинкта Аденауэра»: сотрудничество с Францией любой ценой и предотвращение изоляции от Запада²⁶.

Конрад Аденауэр отождествлял в тот период Пруссию с Востоком. Общеизвестны и характерны некоторые высказывания тех лет по этому поводу, которые цитируются авторами ФРГ в качестве иллюстрации его взглядов. В 1920-е гг. Аденауэр доверительно замечал, «что ужи у Брауншвейга начинается для него азиатская степь». «В Магдебурге, по пути поездом в Берлин, он всегда задерживает занавески, а когда он едет через Эльбу, то всегда сплевывает из окна». В Берлине Аденауэр всегда чувствовал себя как в языческом городе. При написа-

---

²⁴ Schwarz 1971. S. 104; Baring 1969. S. 54; Doering-Manteuffel 1983. S. 31; Görtemaker 2004. S. 93.

²⁵ Augstein 1964. S. 44.

²⁶ Ibid. S. 59.

нии своего портрета он однажды заметил, что выглядит скорее «как гунн», и добавил: «Неудивительно. У меня была бабушка, которая родом из Гартца»²⁷. (Исторически территория Пруссии совпадала с территорией будущей ГДР, а в районе Гартца пролегла затем граница между Западной и Восточной Германией).

Аналогии просматриваются достаточно явно. Уже в 1918/1919 гг. Аденауэр выступил за создание западногерманского государства, интегрированного в Западную Европу. М. Гёртемакер констатирует, что «именно антипрусская рейнско-католическая ориентация была ядром его убеждений». Эти убеждения «имели историко-культурные корни и далеко идущие политические последствия». Далее следует вывод, позволяющий связать исторически сложившиеся убеждения Конрада Аденауэра с конкретным политическим опытом ФРГ: «Кто узнал Империю только из критической перспективы обделённого Запада и характеризовал её как “азиатскую”, что казалось ему чуждо и противно – в лучшем случае безразлично, тому было легче, чем другим немцам, следовать представлениям западных держав об основании западногерманской федеративной республики»²⁸. Как отмечает А. Баринг, по ту сторону Везера для Аденауэра начинался мир, который он не знал и не хотел знать. Восточная Пруссия и тем более всё то, что было ещё восточнее, были ему чужды и безразличны. «Аденауэр мало знал о Восточной Европе и часто создавал впечатление, что еще меньше интересуется ею»²⁹. Слова «азиатский», «восточный» были для Аденауэра синонимами и имели негативный характер. Уже его деятельность на посту бургомистра можно оценить как попытку осуществления большой внешнеполитической концепции построения моста на Запад из Кёльна. Согласно Барингу, «этой цели служило строительство порта, ярмарочные зоны и университет также были задуманы им как экономическая и культурная витрина всей Германии для западных соседей»³⁰.

В целом можно предположить, что кёльнское, или рейнское, происхождение наложило глубокий отпечаток на Аденауэра, в т.ч. на его внешнюю политику. Ввиду географической, исторической, культурной близости Кёльн был традиционно тесно связан с Западной Европой, особенно с Францией, а жители региона отличались ярко выраженным самосознанием по отношению к остальной Германии. В той или иной мере следует констатировать исторически обусловленную антипатию к Пруссии и симпатию к Франции, которые не миновали и Аденауэра. В более широком контексте рейнское происхождение предполагало ориентацию на Запад, а не на Восток. При этом антипатия к Пруссии,

---

²⁷ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

²⁸ Görtemaker 2004. S. 92-93.

²⁹ Baring 1969. S. 53.

³⁰ Ibid. S. 56.

Восточной Германии (территория ГДР) способна частично объяснить неприоритетное значение проблемы воссоединения во внешнеполитической концепции федерального канцлера Конрада Аденауэра.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брандт В. Воспоминания. М.: Новости, 1991. 527 с.
[Brandt V. Vospominaniya. M.: Novosti, 1991. 527 s.]
Adenauer K. Reden 1917-1967. Eine Auswahl / Hrsg. von H.-P. Schwarz. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 495 S.
Augstein R. Konrad Adenauer und seine Epoche // Die Ära Adenauer. Einsichten und Ausblicke. Frankfurt a. M.: Fischer Bücherei, 1964. S. 30-83.
Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München/Wien: Oldenbourg, 1969. 492 S.
Besson W. Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Erfahrungen und Maßstäbe. München: Piper, 1970. 493 S.
Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949-1963. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 279 S.
Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. 915 S.
Maier G. Konrad Adenauer (1876-1967) // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 1-19.
Schwarz H.-P. Adenauer. Der Aufstieg: 1876-1952. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. 1021 S.
Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 71-108.
Uexküll G. von. Konrad Adenauer. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2001. 143 S.

Сорокин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; SorokinAN@omsu.ru

The role of the Cologne origin in formation of Konrad Adenauer's foreign policy views

The article considers the problem of the Cologne origin influence on Adenauer's foreign policy. The value of this factor for the western integration, an anti-Soviet course, the German question is defined.

Keywords: history of Germany, Konrad Adenauer, Cold war, historiography of Germany, historical anthropology

Alexey Sorokin, PhD in History, Associate professor, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy; SorokinAN@omsu.ru